

Евгения Егорова

Розовая
пантера

Ольга Егорова

Розовая пантера

Текст предоставлен правообладателем

Розовая пантера: 2004

ISBN 5-17-025133-5, 5-9660-0426-9

Аннотация

Это была НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ.

Любовь, подобно удару молнии обрушившаяся на Машу, падчерицу крупного политика, и Алексея, непризнанного художника...

Любовь обещала девушке и юноше счастье, а обернулась трагедией и предательством...

Казалось бы, что может остаться от такой любви шесть лет спустя? Боль, обида, равнодушие?

Однако судьба дарит Маше и Алексею новую встречу – и эта случайная встреча, подобно искре, вновь зажигает огонь их любви...

Содержание

Алексей	4
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ольга Егорова

Розовая пантера

Алексей

Капли, ударяясь о стекло со звуками, напоминающими барабанную дробь, стекали вниз так покорно, как будто, вложив все свои силы в эти удары, уже больше не могли сопротивляться. Покорялись судьбе, теряя свою загадочную плотность и необыкновенную форму, сливаясь одна с другой, превращаясь в потоки уныло стекающей по стеклу воды.

Алексей смотрел в окно и думал о том, что судьба – странная штука.

Еще совсем недавно, три года назад, он даже и представить себе не мог, что будет вот так сидеть возле окна, смотреть на скользящие вниз капли и думать об их судьбе и причине их грусти, при этом находясь на рабочем месте. Как будто бы смотреть на эти капли и было его непосредственной задачей, за выполнение которой он и получал свои не слишком большие деньги. Но, собственно, чем ему было еще заняться? Читать охраннику на рабочем месте запрещено. Охранников с мольбертами и кистью, судорожно зажатой в руке, в природе тоже не встречается. Женщины-вахтерши обычно вяжут, коротая время за спицами или крючком. Вя-

зять Алексей не умел, да если бы и умел, нашел бы, пожалуй, для этого занятия другое место. Чтобы хоть как-то поднять настроение, опустившееся – наверное, в связи с погодой – практически до нулевой отметки, он принялся сосредоточенно представлять себя – крупного, здорового, можно сказать, мужчину, облаченного в камуфляж, – сидящим в школьном вестибюле и проворно работающим спицами.

Веселее от этого почему-то не стало. Он даже не улыбнулся, несмотря на то, что прекрасно развитое воображение нарисовало очень четкую картинку. Снова отвернулся к окну и принялся рассматривать капли, скользящие по стеклу. Капли, разбивающиеся о стекло неизбежности, почему-то подумал он, и ему стало совсем тоскливо, потому что и в его жизни, как оказалось, оно было – это самое стекло неизбежности, о которое разбивались, как капли, его надежды. Никаких тебе книг, никаких холстов и красок, никаких спиц и крючков – сиди себе и выполняй свою работу. Смотри на эти чертовы капли и думай о том, как ты, собственно, здесь оказался. И в чем он заключается – смысл твоей бессмысленной жизни.

«Нужно было родиться на свет мужиком, чтобы малевать красками холсты!» – возмущенно сдвинув брови, сказал отец, пристально глядя Алексею в глаза, наверное, и в самом деле не веря в то, что сын говорит серьезно. Его желание поступить в художественное училище вызвало такую бурю возмущений, что даже сейчас, по прошествии стольких

лет, Алексей слишком явственно мог вспомнить, как гулко стучало сердце – как капли, тут же пришло в голову надоевшее, набившее уже оскомину сравнение, как капли, разбивающиеся о стекло неизбежности. Художник – разве это профессия? Так сказал отец, а с отцом Алексея связывала многолетняя и преданная дружба.

И все-таки, почему он тогда согласился? Ведь было столько аргументов «против», можно было привести их, хотя бы побороться за свою мечту, которой он был одержим на протяжении стольких лет. Может быть, виной тому были умоляющие глаза матери, которые просили об одном – чтобы он не спорил с отцом. Отец что-то еще возмущенно кричал, а мать смотрела на него и, казалось, говорила ему глазами: «Послушайся, Алешенька. Ведь рисовать ты будешь, все равно будешь рисовать, просто профессия у тебя будет другая, а рисовать-то можно в свободное время».

Хотя, если разобраться, что это были за аргументы? Он мог бы сказать отцу, что, по его мнению, не каждое родившееся на свет существо мужского пола непременно должно становиться мужиком – бывают ведь не только художники, но и музыканты, и профессора, артисты, в конце концов, есть масса людей, которые совсем не вписываются в это узкое, пахнущее потом понятие.

Тогда он не думал, что сдался, – он просто дал себе отсрочку, решив, что после армии, став наконец мужиком и успокоив отца, сможет уже по-другому смотреть ему в глаза,

сможет настоять на своем. Но, прослужив два года на границе, пришел домой и увидел, что мать совсем больна, отец тоже сдал – похудел, как будто высох даже, перенес инфаркт за время его армейской службы. Сердце его стало совсем слабым. Алексей досадливо подумал о том, что нужно было рожать его раньше, лет хотя бы в тридцать, но уж не в сорок, никак не в сорок. Но, с другой стороны, тогда бы его вообще на свете не было – был бы другой Алексей, родившийся из совершенно иного сочетания хромосом, а может, это вообще была бы какая-нибудь Наташа или Лена. Ей было бы проще – ей-то уж точно совсем ни к чему было бы мужиком становиться. Она могла бы быть самой собой...

Нужно было искать работу. Алексей не особенно утруждал себя поисками – спустя несколько недель, прошедших после возвращения домой, он просто позвонил по первому попавшемуся на глаза номеру телефона в охранную фирму, где требовались мужчины – военнослужащие, уволенные в запас. Позвонил и вскоре оказался в этом самом школьном вестибюле в роли «тети Маши», заняв ее привычное место, которое раньше, в более спокойное время, когда террористические акты случались гораздо реже, совсем не считалось местом для настоящего мужчины. Черт бы побрал эти новые времена...

Он не собирался слишком долго здесь задерживаться, рассматривая свое пребывание в столь унылой должности всего лишь временным островком на пути, который ему еще пред-

стояло проделать. Наверное – едва ли стоит в этом сомневаться! – в жизни его все-таки ждет нечто более интересное и значительное. И это чертово стекло он проломит – как и полагается настоящему мужчине. Дай только время...

Алексей посмотрел на часы: время подходило к одиннадцати, а это значило, что до конца смены остается ни много ни мало пять часов. Еще пять часов ему предстоит беспрестанно таращиться на эти капли – даст Бог, дождь, может быть, кончится, а вместе с ним и его мучения, возникшие, казалось бы, на пустом месте. Обычный день, просто дождливый, почему-то выворачивал душу наизнанку, нагонял такую хандру, от которой, как в худшие армейские дни, в петлю хотелось лезть...

Он с усилием заставил себя наконец отвести взгляд от окна, даже голову повернул, чтобы уж наверняка больше не дать ни малейшего шанса хандре, источник существования которой находился именно там, в этом серо-мутном прямоугольнике. Отвернулся и принялся смотреть на лестницу, которая расстилалась перед ним и вела на второй этаж здания школы. Широкая, красивая лестница с мраморными ступенями, поблескивающими, отражая свет ламп дневного освещения.

На лестнице, на самой последней ступеньке, в уголке, сидела какая-то девчонка.

Алексей понял, что смотрит на нее уже достаточно долго и пристально, и с досадой отметил, что и здесь его поджидает

ет ловушка; теперь для своего взгляда ему пришлось срочно подыскивать новый «объект» – появилась еще одна запретная зона, потому что вот так вот пялиться на ребенка было совсем уж неприлично, а снова смотреть в окно он не будет. Обещал себе, что не будет, – и точка, значит, не будет.

Взгляд заметался по сторонам, везде ему было неудобно, и уж совсем против правил были эти портреты на единственной оставшейся безопасной стене – лица из администрации района, которые Алексей до тошноты изучал все предшествующие дни. Лица, не вызывающие вообще никаких эмоций, – и это, наверное, было даже хуже, чем тоска. Расплывшиеся, не имеющие четких линий, никак не сопоставимые с законами рисунка – лица без «изюминки», без «зацепки», или слишком правильные, или слишком защищенные от вмешательства художника жировой прослойкой. Взгляд скользнул вниз, на пол, – эх, дали бы волю, как бы он размыл, растушевал всеми мыслимыми и немыслимыми цветами палитры эти строгие бело-коричневые треугольники и квадраты! Ничего больше не оставалось, как снова начать смотреть на лестницу, пытаясь изобразить на лице тупое выражение блюстителя порядка.

– Ну и чего ты на меня уставился?

Алексей вздохнул, подумав о том, что к взрослым вообще-то принято обращаться на вы. И еще о том, что это у нее следовало бы спросить, почему она, собственно, сидит на лестнице в то время, когда должна находиться на уроке –

на какой-нибудь физике или литературе, выводить формулы или постигать премудрые мысли классиков. Вообще почему она, собственно, сидит на лестнице, даже в том случае, если формулы ей надоели, а мысли классиков не находят отклика в душе, – можно было бы по крайней мере сесть на скамейку, пустующую в противоположном конце вестибюля, возле гардероба, как раз под фотографиями лиц из администрации. Туда он уж точно бы смотреть не стал. Господи, насколько все было бы проще, подумал Алексей, если бы ей не пришла в голову дурацкая идея посидеть на ступеньках! Или по крайней мере если бы она пришла ей в голову несколько раньше или позже – короче, не во время его дежурства. Тогда он мог бы сколько душе угодно пялиться на эту милую сердцу лестницу и никто не задавал бы ему вопросов, на которые нет ответа.

– А ты почему не на уроке?

Объяснять девчонке, почему он на нее, собственно, смотрит, было бы глупо, поэтому он и постарался деликатно уйти от темы, задав этот совершенно ничего не значащий для него вопрос.

– А у тебя зажигалка есть? – спросила она в ответ.

– Чего-о? – протянул он, пытаясь рассмотреть это непонятно откуда взявшееся явление, которому на вид от роду было не больше двенадцати лет, нахально требующее у него зажигалку.

На первый взгляд ему на самом деле показалось, что дев-

чонке никак не больше двенадцати, а если учитывать тенденцию к акселерации подростков, то ей могло быть в принципе и десять. Но рассмотреть ее было трудно – он видел только острые коленки, обтянутые светло-голубыми джинсами и торчащие на уровне подбородка. Над подбородком был нос, глаза и абсолютно белая, прибалтийская какая-то, растрепанная челка – самовольная деталь практически отсутствующей прически.

– Тебе лет-то сколько? И уже куришь?

– А ты меня поругай – может, брошу. И вообще с чего ты взял, что я курю?

Ругать ее Алексей, конечно, не собирался. Ему было все равно, сколько пачек в день выкуривает это создание определенно очень юного возраста. Сам Алексей начал курить в семнадцать, но кто сказал, что современные подростки должны видеть в нем пример для подражания?

– С того, что зажигалку спрашиваешь. Зачем же тебе зажигалка?

– Может, я школу хочу поджечь?

– Школу поджечь? Чем же она тебя так достала, эта школа?

– А всем. Всем достала.

Они разговаривали, разделенные достаточно большим расстоянием, но, поскольку в вестибюле было абсолютно пусто и тихо – только они двое и безмолвные, бездыханные лица из администрации, – голос повышать не приходилось.

– И чем же именно?

– Отвяжись.

«Создание» с правилами приличия явно было не знакомо или же принципиально их игнорировало. Но Алексей почему-то обиды не почувствовал – может, оттого, что не придавал правилам приличия слишком большого значения, а может, потому, что девчонка начинала потихоньку его заинтересовывать. «Надо же, так мало лет на свете прожила, а уже бунтарка, сидит себе демонстративно во время уроков на лестнице, школу хочет поджечь, зажигалку требует», – подумал он, чувствуя, как на лице появляется улыбка. Девчонка на самом деле была немного смешной, но смешной как-то по-хорошему. И эти волосы растрепанные...

– Лучше дай зажигалку.

– Я вообще-то здесь для того, чтобы пресекать беспорядки, а не создавать их. К тому же, если ты сейчас с моей же помощью спалишь школу, где я работать буду?

– Другую школу найдешь. Мало ли школ в Саратове, – ответила она нетерпеливо. – Да есть у тебя зажигалка или нет, черт возьми?

– Ну, есть, – ответил он, уже не в силах скрыть улыбки, настолько забавным было это ее «черт возьми».

Она резко поднялась с лестницы и направилась к нему, в тот же момент он понял, что ей уж точно не десять лет.

И даже, наверное, не двенадцать... Черт бы побрал эту акселерацию – эта пигалица с круглыми, детскими еще, но

уже подведенными тушью глазами направлялась к нему походкой от бедра, настолько привыкшая уже, видимо, к тому, что она женщина... Алексей вдруг почувствовал, что у него пересохло в горле.

Она подошла ближе, убрала пальцами со лба челку, напомним Алексею тут же набоковскую Эммочку из «Приглашения на казнь». Такая же белая челка, такое же нетерпеливое движение пальцев. Он даже на миг заподозрил ее в плагиате – настолько точно воспроизведенным показалось ему это движение, настолько оживляющим образ несуществующей девочки, бегающей вприпрыжку по темным коридорам тюрьмы. Но только вряд ли, тут же подумал Алексей, Эммочка ей знакома, вряд ли доводилось ей листать страницы этого скучноватого и в общем-то мало известного романа Набокова. Если уж эта девица что-то и читала из наследия великого писателя, то это, наверное, была «Лолита» – образ, внутренняя суть которого прекрасно уживалась с этой ее походкой. Лолита, но уж никак не Эммочка...

Она подошла, что-то рассеянно поискала глазами – возможно, она искала стул, потому что в следующую минуту уже легко запрыгнула прямо на стол, не обнаружив ничего более подходящего.

– В самом деле, нужно ведь где-то сидеть, – прокомментировал Алексей, пытаясь избавиться от подступающего шока – настолько необычной, настолько не от мира сего казалась ему эта Эммочка-Лолита, несмотря на то что вела себя

сейчас по шаблону обычной малолетней шлюшки, каких вокруг полным-полно.

– Не стоять же, – откликнулась она тихо, закинула ногу на ногу, расстегнула молнию на сумке, переброшенной через плечо, и извлекла оттуда пачку «Парламента». Достала две сигареты. – А ты что, правда подумал, что я школу спалить собираюсь?

– Ага, подумал.

– Не ври, – тут же раскусила она его, но все-таки улыбнулась от этой мысли – от того, наверное, что ее заподозрили-таки в чем-то великом. – Ну где твоя зажигалка?

Она, видимо, всерьез полагала, что он сейчас закурит вместе с ней как ни в чем не бывало, будет вот так сидеть за столом, на котором она сидит, закинув ногу на ногу, и тоже покуривать. Что они будут сидеть и курить, стряхивая пепел куда придется, невзирая на присутствующие строгие лица из районной администрации и возможное появление реальных лиц из более близкой администрации школы. Он снова представил себе эту картинку – вторую, вслед за более ранней, той, на которой он вяжет спицами. Достал из кармана зажигалку, чиркнул, поднес к ее сигарете...

Она жадно вдохнула – как будто целые сутки не курила – и улыбнулась почти блаженной улыбкой.

– На, возьми, – протянула сигарету.

– Спасибо, я курил только что.

– Как хочешь. А ты ничего. – Она скосила на него глаза,

в первый раз посмотрела оценивающе. – Нормальный. Я бы ни за что не подумала, что ты разрешишь мне здесь курить.

«Я бы и сам...» – подумал Алексей.

– Тебе ведь попадет за это, если нас сейчас увидят.

Она сказала это вполне равнодушно, но ему почему-то почувдился какой-то странный смысл в словах «если нас сейчас увидят». На самом деле – если их сейчас увидят?

– Мне-то что. Тебе попадет – уроки прогуливаешь, куришь. На стол вот залезла, сидишь...

– Да мне плевать. Тебя зовут-то как?

Она снова убрала с лица челку, снова тем же движением стряхнула пепел, не глядя, розовым поблескивающим ноготком. Он почему-то – наверное, впервые в жизни – почувствовал себя каким-то деревенским увальнем, который не знает, с какой стороны подойти к понравившейся красавице. На роль понравившейся красавицы она явно не подходила – главным образом по возрасту, что полностью исключало всякую возможность рассмотрения иных параметров. Она вела себя – и это, видимо, шло от внутреннего ее ощущения – так, как будто это он, а не она пребывает в двенадцатилетнем возрасте. Она говорила так же небрежно, как стряхивала пепел, как убирала челку, – как будто в жизни для нее абсолютно ничего не имело значения.

– Ты лучше скажи, сколько тебе лет, а? – спросил он насмешливо, пытаясь подражать ее небрежности и чувствуя, что у него получается лишь жалкая копия с неподражаемого

оригинала.

– Пятнадцать, – ответила она спокойно и почему-то добавила: – Скоро будет шестнадцать.

– Понятно, что не тридцать пять. После пятнадцати всегда так бывает.

– Тебе виднее, – покорно согласилась она. – А самому-то тебе сколько лет?

– А как ты думаешь?

– Ну, не знаю. – Было заметно, что ей просто лень заставлять себя о чем-то думать. – Лет двадцать, наверное.

– Двадцать два, – поправил он почему-то с гордостью.

– А-а, – протянула она и улыбнулась.

На некоторое время наступила тишина – слышно было только, как потрескивает, сгорая, бумага тлеющей сигареты, как бьются капли о стекло. Налетевший порыв ветра на короткое мгновение заставил их стучать еще громче, еще отчаяннее.

«Наверное, все-таки хорошо, что я ее встретил», – подумал Алексей, прислушиваясь теперь уже спокойно к звукам падающих за окном капель.

Она снова стряхнула пепел и снова поправила челку.

– Слушай, ты, случайно, не читала Набокова?

– Набокова?

– Ну да, Набокова. «Лолиту», например.

– «Лолиту» до конца не дочитала. Бросила на середине.

– Не понравилось?

– Не знаю. Дура она, по-моему, эта Лолита.

– Почему дура?

– Потому что сама не знает, чего от жизни хочет. – Алексей усмехнулся, подумав о том, что на свете не так уж много людей, которые знают, чего они хотят от жизни. Вот, например, он сам, собственной персоной.

– А ты про себя-то знаешь? Знаешь, чего хочешь от жизни? – спросил он, тут же подумав о том, что ей, наверное, все же еще не по возрасту пытаться отвечать на такие вопросы.

– Знаю, конечно. Жить хочу, чего же еще. Вот пять минут назад курить хотела, – без тени сомнения в голосе ответила она, щелчком отшвырнула окурок, снова блеснула розовым ноготком и повернулась к нему. – А теперь уже не хочу.

Алексей смотрел, как тлеет на полу, возле скамейки, крошечная оранжевая точка. А может, она права, подумал он, – нужно жить сегодняшним днем, даже не сегодняшним днем, а текущим мгновением? Может быть, тогда жизнь покажется более радостной и счастливой, потому что каждое мгновение человек будет делать то, что он хочет, – а именно – жить.

– Что так смотришь?

Он с трудом оторвал взгляд от притягивающего как магнит оранжевого огонька и увидел близко ее глаза – светло-зеленые и круглые. Она смотрела на него пристально – так, наверное, рассматривает ребенок, не умеющий читать, книжку с картинками, пытаясь определить, интересная ли там сказка и о чем она.

– Странный ты какой-то. Даже ничего не сказал, что я «бычок» бросила.

Алексей внутренне поморщился от слова «бычок».

– Ты у нас давно работаешь?

– Третью неделю.

– Что-то я тебя раньше не видела. Наверное, просто не обращала внимания.

– Я тебя тоже раньше не видел. Наверное, тоже...

Он почему-то подумал о том, как странно, что он раньше не заметил этой забавной копны светлых волос и этих круглых зеленых глаз. Странно, потому что в ней было что-то, что притягивает взгляд и навевает мысль о том, что было бы интересно нарисовать ее волосы, глаза, плавную линию подбородка, пухлые, без видимого контура, губы и высокие скулы. Пропорций в ее лице не было, но оно было интересно именно этим отсутствием пропорций, нехарактерностью, которая делает некоторых людей объектами вдохновения художника.

– Ты о чем задумался?

В ушах у нее поблескивали сережки замысловатой формы. В тот момент, когда она спросила, Алексей думал о форме ее ушных раковин. Было бы глупо честно признаться ей в этом, хотя, тут же подумал он, скорее всего она просто протянула бы равнодушно «а-а», не обнаружив признаков удивления.

– О твоей прическе, – улыбнувшись, ответил он почти

честно. – Ты ее сама создавала, или над ней потрудились лучшие стилисты города?

– Какие там стилисты. – Она не обиделась. – Я просто сегодня в школу проспала. Встала поздно, некогда было их мочить. Если их с утра не намочить и не пригладить, они все время так торчат.

– Да нет, ничего. Тебе идет даже, знаешь. Шарм какой-то...

– Ну да, – с прежним равнодушием ответила она, и Алексей в очередной раз подумал о том, что этому ребенку, похоже, все по барабану.

А она как будто слышала это слово «ребенок», прочитав его мысли, и тут же, в доказательство обратного, ее рука нырнула под горловину кофточка, натянув на плечо спущившуюся вниз бретельку от невидимого бюстгальтера.

– Тебя, кстати, как зовут-то? – спросила она снова и уставилась на него так, как будто первый раз видела.

Он, поймав себя на том, что слишком уж долго думает о ее бюстгальтере, даже чертыхнувшись про себя, ответил немного смущенно:

– Алексей.

Она, видимо, заметила его смущение и истолковала его совершенно оригинальным образом:

– Да ничего, нормальное имя, У меня папу так звали,

– Ну спасибо. – Он широко улыбнулся, а она почему-то продолжала его утешать:

– И улыбка у тебя красивая. Зубы ровные такие...

– Господи, я же не лошадь! – не выдержав, он рассмеялся.

Она смотрела серьезно, без улыбки, с заметным напряжением, и он, как будто заразившись этой ее серьезной неулыбчивостью, как-то резко оборвал свой смех, снова услышал бьющиеся в оконное стекло капли.

– Ты странная какая-то. Чокнутая немножко.

– Я знаю, – спокойно, совсем не обидевшись, сказала она, как он, впрочем, и предполагал. – Мне все так говорят.

Она посмотрела на часы, висящие над липами, плавно соскользнула со стола, перебросила через плечо сумку.

Алексей вдруг понял, что за несколько минут успел привыкнуть к ее присутствию настолько сильно, что теперь ему стало как-то неуютно: стол показался огромным, на нем явно чего-то не хватало, какой-то важной и неотъемлемой детали, вестибюль – слишком пустым, и эти лица – ох уж эти лица!

– Ты куда?

Наивно было бы полагать, что она станет его вечной спутницей, сидящей на столе и помогающей развеять хандру. Для этой цели гораздо более пригодной оказалась бы фотография в рамочке, какие обычно ставят на стол, ей-то там и место, а девчонка-то ведь живая, и жизнь у нее своя – какое ей может быть дело до его хандры? Если бы радость можно было законсервировать в банке и лезть в эту банку всякий раз, когда на душе хреново... Интересно, надолго хватило бы банки?

– Мне пора, на немецкий. Гуд бай! – Она тряхнула волосами, последнее слово почти утонуло в пронзительном школьном звонке.

– Гуд бай – это по-английски, – бросил он ей вдогонку. Она обернулась.

– Ну да, по-английски. Я знаю. – Конечно же, ей на это было наплевать...

– Эй! А зовут-то тебя как?

Он уже заранее предчувствовал, что сейчас услышит что-нибудь типа Виолетты, Ангелины или на худой конец Каролины, заранее знал, что имя это будет придуманным, как и вся она – лохматая, зеленоглазая и спокойная как удав. Разве бывают такие? Он уже заранее собирался сказать ей: «Врешь!», потому что насквозь ее видел. Собирался, и вдруг услышал:

– Маша.

– Маша?!

Она пожала плечами и, больше не оборачиваясь, стала удаляться – походкой от бедра, по ступенькам, один, второй лестничный пролет, снова тряхнула лохматой гривой и исчезла.

– Маша, – снова повторил он, примеряя к ней это имя, как портной примеряет костюм. Костюм определенно был тесноват и трещал по швам во всех местах, где только эти швы имелись. «Не может быть. Если бы сказала – Ангелина или Каролина, еще можно было бы поверить. Но Маша? Тоже

мне, Маша. Маша, три рубля – и...» – вспомнилась дурацкая детская дразнилка.

На душе почему-то кошки скребли. Он прислушался: дождь, кажется, закончился, не слышно больше было этих ненавистных звуков, но, может быть, это просто шум ожившей на время перемены школы заглушал их. Посмотрел на стол, убедился, что он пуст, потом перевел взгляд на мраморный пол, усеянный бесконечными бело-коричневыми треугольниками и квадратами. Увидел окурок. Поднялся, подошел и загнал его носком ботинка под скамейку.

– Алешенька, ты? Ну наконец-то! Где так задержался? На работе? Ой, да промок весь! Что же зонт не взял, не догадался?

Алексей вздохнул. Он очень любил мать, был к ней по-настоящему привязан, несмотря на уже не детский возраст, но эта ее привычка задавать огромное количество вопросов и тут же самой на них отвечать иногда его раздражала. От него в общем-то ничего и не требовалось – она уже и так знала, что задержался он на работе, а зонт не взял, потому что не догадался. Поэтому, соответственно, и промок. Все просто, как дважды два.

– На работе задержался, – подтвердил он: промолчать после такого количества обрушившихся вопросов тоже было бы как-то странно. – Террористы здание захватили, пока их всех перестреляешь, знаешь, куча времени на это уйдет. А они, гады, живучие...

Достав из шкафа вешалку, он аккуратно повесил куртку и водрузил ее на бельевую веревку в ванной.

– Да брось ты свои шутки, Алеша, – укоризненно произнесла Анна Сергеевна, прислонившись к дверному косяку и внимательно наблюдая за бельевой веревкой, которая под тяжестью намокшей куртки грозила оборваться. – Не оборвется?

– Да с чего ты взяла, что это шутки, – возразил Алексей, задумчиво поглядывая все на ту же бельевую веревку: нет, должна выдержать, тем более что с каждой минутой куртка будет становиться легче. – Не оборвется.

– Да, не должна. Ну давай, мой руки, и идем ужинать. Я пельменей налепила. Ты, наверное, проголодался, пока террористов обезвреживал.

– Да, руки в крови по локоть, надо помыть...

– Да перестань же ты наконец, Алексей!

«Алексей» в устах матери было ругательством – самым оскорбительным, какое ему за двадцать два прожитых года доводилось от нее слышать.

– Извини, мама. – Он легонько обнял ее. – Не сердись. Конечно, не было никаких террористов. Сидел, как обычно, целый день в школьном вестибюле, смотрел в окно. Вот и все события сегодняшнего дня. Как ты считаешь, не зря он прожит? Не будет ли потом твоему сыну мучительно больно за бесцельно прожитые годы?

– Ну это же временная работа, – утешила она его, глядя с

любовью. – Идем кушать.

Алексей прошел на кухню и уселся за стол. На плите, на самом краешке, возле едва горячей конфорки примостилась алюминиевая кастрюля, поджидающая его прихода, видимо, так же нетерпеливо, как родная мать. Радостно забулькала вода, принимая в свои кипящие объятия маленькие желтоватые кусочки теста, начиненные вкуснейшим фаршем, – в этот момент Алексей почувствовал, что на самом деле проголодался. Еще бы не проголодаться, когда полтора, а то и два часа бродишь по улицам, не имея никакой конкретной цели, кроме одной, весьма сомнительной – промокнуть до нитки, промерзнуть до костей, тем самым доказав себе очевидную истину – что ты человек и состоишь из плоти, которая требует какого-никакого внимания. Теперь, к вящей радости, он выяснил еще одну существенную деталь – что у него, кроме костей и мяса, есть желудок. Весьма нахальный...

– Сметана вот, кетчуп, помидоры достать соленые?

– Достать, и огурцы тоже. Выкладывай на стол всю прозу жизни, какая только есть в холодильнике.

– Ох, Лешка, ну какой же ты у меня...

Мать, как и все матери на свете, просто радовалась тому, что у ребенка хороший аппетит. Радовалась, по-видимому, этому гораздо больше, чем чему-то туманному, неопределенному, заключенному в слова «какой же ты у меня...».

– Прожорливый, – закончил он за нее начатую фразу, заталкивая в рот сразу два маленьких пельменя, насаженных,

как сиамские близнецы, на вилку. – Тебе есть чем гордиться, мама. Прожорливый – значит, здоровый, а здоровье мне необходимо при моей работе, требующей значительных...

– Прожуй сначала, потом философствуй!

– ...физических и умственных нагрузок, – закончил он с набитым ртом, проигнорировав ее требование. – Лично я считаю, что философия и пельмени, особенно такие вкусные, – вещи, вполне совместимые.

– Вот и хорошо, – таинственно улыбнувшись чему-то неведомому, сказала Анна Сергеевна.

– Что хорошо, мама?

– Хорошо то, что настроение у тебя хорошее.

– Да? У меня хорошее настроение? – Он удивился на самом деле, искренне. Кажется, такого паршивого настроения, как в этот день, у него не было уже несколько недель кряду.

– Ну да, – подтвердила она. – Все шутишь...

Алексей промолчал, не став убеждать мать в том, что его пустомельство в данном случае является как раз признаком состояния, прямо противоположного хорошему настроению. Только он ведь и сам еще пока не разобрался в своем настроении – может быть, оно у него и вправду скорее хорошее, чем плохое?

– Людочка звонила два раза. Ты где задержался-то так долго?

«Да, все-таки скорее плохое, чем хорошее». – Услышанная фраза тут же склонила чашу весов в сторону пессимиз-

ма.

– Два раза? И что она хотела?

– С тобой хотела поговорить, что же еще? Вы с ней, кажется, завтра в театр собирались...

– Так это же завтра, мам. Вот завтра и звонила бы.

– Все шутишь, – отмахнулась Анна Сергеевна.

«Если бы», – подумал Алексей, но вслух ничего не сказал, чтобы не расстраивать мать.

– Шучу, конечно.

– Тебе чай или кофе?

– Чай, наверное... Или кофе?

Желудок, наполненный, по-видимому, до краев, если таковые у него имелись, полностью утратил свою наглость и стал спокойным, как насытившийся хищник, милостиво предоставляя залить свое содержимое всем, что только взбредет в голову. Чаем, кофе, молоком, водкой или вообще ничем. Алексей, отдавая дань своему творческому воображению, даже представил себе его, улыбающегося блаженной улыбкой, с розовыми, пухлыми, как у хомяка, щеками, набитыми пельменями.

– Людочка...

Все остальное, последовавшее за словом «Людочка», почему-то было настолько неинтересным, что Алексей постепенно стал отключаться, погружаясь в свои мысли – впрочем, как ни парадоксально, о той же Людочке.

Они познакомились не так давно, два с небольшим меся-

да назад, когда он только вернулся из армии и, дико истосковавшийся по краскам и холстам, отправился в городской парк и, устроившись на бетонном ограждении возле пруда, стал рисовать. Он рисовал, как обычно, отключившись от всего, что было за рамками воображаемой картины, пытаясь не упустить глянцевого блеска листьев и запечатлеть, насколько это возможно, их нервную дрожь на ветру. Как оказалось впоследствии – он, конечно, даже не подозревал об этом, – Людмила почти целый час проторчала у него за спиной, деликатно не обнаруживая себя до тех пор, пока он наконец сам не почувствовал, что нужно сделать передышку.

Она оказалась достаточно яркой, привлекательной брюнеткой, женщиной, что называется, знойного типа, при этом обладающей – и теперь он не мог этого не признать! – не только тонким профилем, но и тонкой натурой. Завязавшийся непринужденный разговор о стилях живописи, в которых она – опять же необходимо признать – неплохо разбиралась, перешел постепенно в разговор о личном, о все более личном и, наконец, уже совсем о личном – это было уже в ее постели. Потом он рисовал ее обнаженной, не имея сил после двухлетнего армейского воздержания следовать незыблемой заповеди, касающейся отношений художника и натурщицы во время работы. Они все больше этим и занимались, портретами с длинными паузами, в которые вмещалось все больше и больше личного, пока однажды Алексей не осознал слишком ясно, что с личным уже перебор. Но, впрочем, он

не имел ничего против отношений с Людмилой, она от него ничего не требовала, ни к чему его не обязывала, никогда не просила остаться на ночь... Со временем он стал понимать, что в Людмиле ему нравится гораздо больше то, чего она не делает, чем то, что она делает. За это ее определенно следовало ценить – но не любить же! А вот мама – Алексей снова слышал ее голос, произносящий слово «Людочка», – считала, что именно так она и выглядит, любовь. Людочка ей нравилась... Хотя – кто ее знает, что она есть такое, эта любовь? И есть ли она на самом деле? Алексей уже вышел из возраста, когда на этот вопрос отвечают безапелляционное «да», но еще, по-видимому, не дожил до тех лет, когда ответом становится лишь скептическая усмешка. Не хотелось впадать ни в детство, ни в старческий маразм, поэтому он предпочитал в этом вопросе занимать промежуточное положение, не отрицая ни наличия, ни отсутствия чувства, будоражащего сознание людей на протяжении веков. Относился к нему настороженно и с большим сомнением, никому, кроме мамы, слова «люблю» в жизни не подарив ни разу. Он даже побаивался немного этого слова – «люблю»...

А Людочка, как выяснилось недавно, вообще была помещена на художниках – до такой степени, что все остальное ей было не важно, – что сделало ее образ в сознании Алексея совсем уж прозаическим. Да, наверное, именно после того, как он случайно обнаружил в одном из ящиков ее письменного стола целую кипу разнообразных рисунков, на которых Лю-

дочка была изображена обнаженной, она окончательно потеряла в его глазах то самое главное, что притягивает мужчину в женщине, – свою загадочность. Работы к тому же принадлежали разным кистям – поверхностного взгляда хватило на то, чтобы выделить как минимум трех, а то и четырех авторов. Какая уж тут загадочность...

Людочка о его находке так ничего и не узнала – у Алексея просто не возникло никаких вопросов по этому поводу и уж тем более желания выслушивать ее ненужные оправдания, уверения в том, что он единственный, которые, как он предполагал, непременно последовали бы. Что в очередной раз утвердило его в мысли – это не любовь. Была бы любовь, он бы, наверное, только и требовал от нее, чтобы она часами твердила свои глупые оправдания, буквально насилюя его сознание, только чтобы он в них поверил. И поверил бы, наверное, в конце концов, если бы это была любовь. Если опять же есть она на свете и не является литературной выдумкой, авторской собственностью, скажем, того же Шекспира. Только поди разберись – в те времена ведь и не было никакого закона о защите авторских прав. Может, поэтому и растиражировали ее, эту любовь, потому что ответственности не боялись.

Алексей усмехнулся: знала бы мама, до чего он дошел в своих умозаключениях!

– ...так что ты ей обязательно позвони!

Она уже стояла возле раковины, намыливая губку, соби-

раясь мыть посуду. Алексей поднялся, бережно, но настойчиво ее отстранил:

– Ты иди, мам, отдыхай. Я сам все помою. Теперь я твой, как говорится.

Мама улыбнулась старой – древней уже, можно сказать, шутке, которую Алексей принес домой, еще будучи школьником. Известный анекдот о том, как мужик устроил у себя дома для шикарной дамы романтический ужин со свечами и шампанским, а потом, когда на столе остались только пустые тарелки и пора было приступить к самому главному, услышал из уст своей захмелевшей подруги фразу: «Теперь ты мой!» Фразу, вполне подобающую дальнейшему развитию ситуации, однако истолковал ее мужик неправильно и возмутился, глядя на тарелки: «Сама мой, я ничего мыть не собираюсь, не за этим тебя вообще сюда звали». С тех пор анекдот бытовал в их семье в сильно укороченном виде, каждый раз вызывая улыбку на лице матери.

Она покорно отошла от раковины, позволив сыну заниматься совсем не мужской работой, которую не одобрил бы отец, – мытьем посуды. Но отец уже ушел в ночную смену, поэтому они могли себе это позволить.

– Я пойду, сынок, там «Санта-Барбара».

– Иди, иди, мама.

– Ты не забудь позвонить-то...

– Не забуду. Привет Иден и Крузу!

– И тебе от них тоже.

Это тоже была старая, привычная шутка, не вызывающая даже улыбки, настолько бесчисленное количество серий она сопровождала – со стороны казалось, что они абсолютно серьезно разговаривают про эти приветы. Все было привычным, слишком привычным: и эта кастрюля, и губка, исходящая мыльной пеной, и запах средства для мытья посуды. Только в этот вечер все почему-то казалось не просто привычным, а опостылевшим.

Раковина в заключение процедуры была щедро надраена «Пемолюксом» и оттого стала отчаянно блестящей, как будто не было никакой мыльной пены, перемешанной с остатками кетчупа и сметаны, как будто ее только что принесли из магазина и проза жизни в виде остатков пищи была ей неведома. Раковина в самом деле могла бы даже спасибо ему сказать, подумал Алексей.

Из кухни он направился в ванную, где и самого себя привел в вид подобающий, свежий и почти сверкающий, только настроение от этого ничуть не улучшилось. Осторожно прикрыв за собой дверь собственной спальни, он улегся на диван, закинув ногу на ногу, и попытался читать. Но сосредоточиться на чтении не получалось. Он с досадой отложил книгу, заметив рассеянным взглядом раскрытую на странице с кроссвордом газету. Отыскал, не вставая с дивана, в ящике письменного стола ручку и принялся сосредоточенно царапать в пересекающихся клетках отгаданные слова, подложив под кроссворд «Фандорина», которому в этот вечер,

похоже, не суждено было найти более достойного применения. Кроссворд был слишком легким и оттого скучным – до того скучным, что он даже вспоминал, сам себе удивившись, что собирался позвонить Людмиле. Собирался или просто делал вид, что собирается, но это не важно, потому что звонить все равно придется – те же яйца, только в профиль, как любил шутить начальник погранотряда.

Подумав о том, что, наверное, такова судьба, если телефонная трубка оказалась как раз под диваном – где она, впрочем, чаще всего обычно и пребывала до тех пор, пока окончательно не разрядится батарея, – он принялся набирать номер своей скучающей подруги.

– Смирись, покорствуй русской силе, неси меня, – Алексей вздохнул, – к моей Людмиле.

Телефон выполнил его просьбу прямо-таки моментально, видимо, польщенный тем, что к нему обратились в столь изысканной поэтической форме. Первый же гудок оборвался, сменившись привычным голосом и традиционным «алло».

– Послушай, – начал он без приветствия, – тебе не кажется, что это «алло», которое мы постоянно, изо дня в день, из года в год, твердим, поднимая телефонную трубку, что это «алло» уже всем надоело, прямо-таки оскомину набило? Ведь, по сути, такое бессмысленное слово абсолютно ничего не означает. Пора бы его чем-нибудь заменить. Ты со мной не согласна?

– Если тебе так хочется, замени его чем-нибудь более осмысленным, – с готовностью откликнулась Людмила. – Я не буду иметь ничего против, если, поднимая трубку, ты будешь говорить мне «стул», «пианино» или произносить любое другое слово, наполненное смыслом, – например, «корова».

Она явно не прониклась его настроением.

– А ты не обидишься, если я буду говорить «корова»? Ведь получится, что это я к тебе обращаюсь.

– Почему ко мне? Подумай головой. Получится, что ты таким образом представляешься. Знаешь, как часто бывает – звонишь куда-нибудь, а тебе отвечают: «Отдел маркетинга», или «Склад», или «Отдел сбыта». – Людмила хихикнула, но Алексею почему-то было совсем не смешно.

– Ладно, будем считать, что мы в очередной раз не поняли друг друга. Не прониклись, так сказать, настроением. Ты просто так звонила?

– Да, просто так, поболтать хотела. Кстати, ты не поздоровался.

– Привет. О чем болтать будем?

– Не знаю, может, ты что-нибудь предложишь...

Алексей вздохнул. Но, впрочем, единственный орган, который у него в этот вечер прекрасно и безотказно работает – исключая, конечно, тут же вспомнившийся розовощекий желудок, – так это, пожалуй, речевой аппарат, или попросту язык, так почему бы не предоставить ему такую воз-

возможность, тем более если это еще кому-то необходимо.

Он пододвинул поближе газету, сжал в пальцах ручку и принялся, как часто с ним случалось во время скучной телефонной беседы, выписывать на полях кудрявые вензеля. Они разговаривали о погоде, о курсе доллара, о последней выставке работ Рериха в Центре национальных культур, которую вместе посетили на прошлой неделе. Беседа затянулась минут на пятнадцать, по прошествии которых Алексей с видимым и уже знакомым облегчением наконец повесил трубку. Он посмотрел на часы, прилег на диване, закинув руки за голову в надежде, что сон сморит его и этот бесконечно тянувшийся день наконец станет всего лишь вчерашним. Закрыв глаза и стал представлять себе по привычке морские пейзажи, портреты и натюрморты, реальные, имеющие автора и еще не написанные, автором которых полагалось стать ему самому. Для Алексея это был достаточно распространенный способ «убийства времени», как он сам выражался, и относился он к нему с большой долей иронии.

Впрочем, он заранее с тоской предчувствовал, что в этот проклятый вечер ему едва ли удастся сосредоточиться даже на пейзажах, потому что в принципе они и были источниками его тоски, эти не нарисованные пейзажи. Предчувствия его оправдались, но оправдались каким-то странным образом. Он даже сначала не понял, в чем дело, откуда взялось это непонятное ощущение и почему оно крепло с каждой минутой: как будто в комнате присутствовал и наблюдал

за ним кто-то посторонний. В комнате Алексей был один, он это точно знал, потому что мама смотрела за стеной телевизор, а в квартире, кроме них двоих, никого не было. Он все-таки открыл глаза, мысленно посмеявшись над самим собой, никого не увидел, конечно, снова закрыл глаза и тут же вскочил с кровати, внезапно догадавшись... Схватил со стола газету с кроссвордом – ну конечно, вот в чем дело.

– Не понимаю... Ты-то каким образом здесь оказалась? Чего тебе здесь надо и кто тебя сюда звал? Не понимаю...

Ответа, конечно, не последовало, но Алексей и не рассчитывал его услышать. Он пристально вглядывался в знакомые черты, отмечая про себя, что достаточно точно обрисовал и линию подбородка, и губы, и круглые глаза, которые казались живыми, а если добавить в них чуточку цвета, они бы точно заискрились... Шапка растрепанных волос и челка, которую она, видимо, только что убрала со лба только ей присущим движением пальцев...

«Ну надо же, – подумал он, – это ведь я сам сотворил. Пока с Людочкой беседовал про доллары и про погоду. Взял и нарисовал. Ох уж эти ручки шаловливые мои – творят, что им вздумается! Ведь и в мыслях не было никакого портрета...»

Он опустил газету на стол, какое-то время еще смотрел на портрет, изучая каждую линию, каждую деталь. Потом рассеянно обвел глазами комнату, шагнул к книжному шкафу.

– Четвертый... Да, кажется, это был четвертый том, где-

то в начале...

Перелистав несколько страниц, он достаточно быстро нашел то, что искал.

«...дочка директора, Эммочка, в сияющем клетчатом платье и клетчатых носках – дитя, но с мраморными икрами маленьких танцовщиц, – играла в мяч, мяч равномерно стучался об стену. Она обернулась, четвертым и пятым пальцем смазывая прочь со щеки белокурую прядь, и проводила глазами коротенькое шествие...»

Бесшумно открылась дверь.

– Алеша?

Он опустил раскрытую книгу на грудь.

– Что читаешь?

– «Приглашение на казнь».

– Ну читай, читай. – Анна Сергеевна любила Набокова. – Ты Людочке-то позвонил?

– Позвонил.

– «Приглашение на казнь» ты уже читал вроде... Дай-ка я тебе шторы задвину. – Она прошла в комнату, остановилась возле окна. – Перечитать, значит, решил?

– Да, вспомнить кое-что...

– Ну читай, читай, – снова повторила она, постояла немного и, собравшись выйти из комнаты, заметила вдруг портрет на полях газеты, взяла в руки, поднесла к близоруким глазам. – А это кто?

Алексей молчал некоторое время, думая о том, что он сам,

если разобраться, понятия не имеет, кто это. Кто она такая, откуда взялась – да и есть ли на самом деле?

– Это я так... Иллюстрациями баловался. Это Эммочка, помнишь, дочка директора тюрьмы...

– Эммочка? – Анна Сергеевна продолжала пристально вглядываться в абрис.

– Похоже?

– Не знаю, – задумчиво ответила мать. – Та вроде совсем маленькая была, девочка. А эта скорее на Лолиту похожа. Ладно, Алешка, спокойной ночи. Что-то у меня голова разболелась, пойду, лягу.

– Спокойной ночи, мама. Значит, говоришь, больше на Лолиту похожа?

– Ну да.

Анна Сергеевна закрыла дверь. Алексей некоторое время прислушивался к ее шагам, потом услышал, как щелкнул в родительской спальне выключатель.

– Вот и поди-ка разберись, на кого ты похожа. – Он снова поднялся, искоса глянул на портрет. Закрыл книгу, поставил ее на полку и принялся стелить постель.

Предстоящий день обещал быть таким же серым и скучным, как и предыдущий. Правда, погода немного наладилась: небо не было голубым, но и не свинцовым, ветер – теплым, и, казалось, пары солнечных лучей хватило бы для того, чтобы получить все основания причислить этот день к погожим. В окне на фоне безрадостно-серого неба покачи-

вались из стороны в сторону абсолютно голые и серые ветки деревьев, как гигантские высохшие веники, торчащие из оконной рамы, как будто из нее, а не из земли произрастали эти угрюмые чудища.

Алексей стоял возле входа в вестибюль, равнодушно глядя на родителей первоклассников, которых он по идее был обязан не пускать в здание школы. Но родителей, он это знал, ничем не остановишь, и если он сейчас остановит хоть одного, то образуется такая пробка, что вовеки не рассосется. Поэтому Алексей смотрел на свои утренние обязанности сквозь пальцы, лишь для виду через определенные промежутки времени достаточно вяло повторяя:

– Родителям в здание школы нельзя. Оставляйте детей в вестибюле, – и вздыхал, задумываясь о тщетности своих усилий и суетности бытия.

Прозвенел звонок, толпа стала редеть – теперь она в основном состояла из старшеклассников, которые, несмотря на свое очевидное опоздание, не выказывали никаких признаков беспокойства, потихоньку шнуровали кроссовки, девчонки непременно пялились в небольшое зеркало возле гардероба, придирчиво оглядывали себя, поправляли прически, – Алексей с интересом человека из другого мира наблюдал за их движениями, искренне не замечая разницы между прической до всех этих манипуляций и после. Но разница эта, по-видимому, была, потому что девчонки от зеркала отходили вполне удовлетворенные и довольные собой. Спустя

пять — десять минут последние опоздавшие потихоньку поднялись наверх, и Алексей снова остался в вестибюле один.

От этой работы на самом деле можно было сойти с ума. Целый день напролет сидеть и глазеть по сторонам, не оставил ли кто-нибудь в вестибюле сумки или пакета, в котором может оказаться несколько килограммов тротила, выискивать среди проходящих лиц подозрительных, проверять пропуска у преподавателей. Быть готовым ко всему... Непонятно к чему. Утром, по дороге в школу, Алексей купил в киоске газету с объявлениями о работе, твердо решив подыскать для себя что-нибудь более... «Что-нибудь более... более приемлемое, — сознание наконец выдало подходящий по смыслу вариант, — в конце концов, мало ли возможностей приложения силы для настоящего мужчины у нас в стране...»

Он разложил газету на столе, оглядевшись по сторонам, — читать на рабочем месте вообще-то было запрещено, но, кроме лиц из администрации, иных свидетелей нарушения порядка не было, а если таковые и появятся, то он, пожалуй, успеет заблаговременно запихнуть газету в ящик.

Первые страницы пестрели объявлениями о поисках работы. Затем пошли предложения — Алексей старался вчитываться внимательно, но чем больше он читал, тем более им овладевала тоска. Наконец, не выдержав, он отложил газету в сторону, снова припомнив любимое выражение начальника погранотряда: «Те же яйца, только в профиль». Грубовато, но очень метко сказано. Что ж, придется, пожалуй, занять-

ся своей непосредственной работой. Благо, на этот раз лестница была совершенно пуста, можно было пялиться на нее сколько душе угодно, чем Алексей и занялся. Он смотрел на лестницу, а мысли блуждали, перескакивая по воображаемым ступенькам – вверх и вниз бесцельно.

«Может, заболела. А может, просто прогуливает. Ну не может же быть такого, чтобы я ее проглядел. Ведь только этим и занимался, что искал ее взглядом в толпе. Неужели пропустил?»

Словно прочитав его мысли, она внезапно распахнула дверь и появилась в вестибюле. Еще более лохматая, чем накануне, если такое вообще было возможно. С заспанными, припухшими ото сна глазами.

«Сто процентов, даже не умывалась», – подумал Алексей, продолжая с заметным интересом наблюдать за ее действиями.

Она вытащила из сумки кроссовки, бросила на пол, сняла ботинок, постояла на одной ноге, сверкнув розовой пяткой, обтянутой прозрачным капроновым носком, наклонилась, зашнуровала, обернулась к нему:

– Привет.

Она так и стояла, вполоборота, на одной ноге – ботинок, на другой – кроссовка, второй ботинок в руке. Потом опустила ботинок в пакет и зачем-то пригладила волосы.

– Привет, – ответил он, чувствуя легкое оцепенение от созерцания всего этого невероятного беспорядка. Невозможно

было себе представить, чтобы в реальной жизни девчонка, неумытая и непричесанная, с опухшими глазами и непонятно во что обутая, могла казаться настолько обворожительной.

– Вот, опять проспала.

– Это я уже понял.

Она наконец закончила переобуваться, перекинула уже знакомым движением сумку через плечо, бросила короткий взгляд в зеркало, поправила кофточку, даже не подумав о причёске, и вихрем пронеслась мимо него.

– Ты куда? – бросил он ей вслед.

– На немецкий! – донеслось уже сверху, и она снова скрылась из поля видимости.

«Наверное, она очень любит этот свой немецкий, если так старательно его посещает», – подумал он почему-то с легкой обидой. А ощутив эту обиду, разозлился на самого себя – ну в самом деле, неужели он думал, что она теперь все время у него на столе сидеть будет? Чтобы ему не так скучно было? И собственно, чем плох немецкий? И что с того, что вчера он нарисовал ее портрет? Она ведь его об этом не просила, в конце концов.

«Слишком много вопросов». Вздохнув, он пододвинул газету и принялся настойчиво изучать объявления. Минут через десять, перевернув третью по счету страницу, он наконец понял, что предыдущая целиком и полностью была посвящена вакансиям официанток, барменш и крупье в казино.

Захотелось позвонить Андрюхе, старому приятелю, который всегда готов был поддержать, когда речь шла о выпивке, да и вообще поддержать любое «мужское» начинание. Который так же, как и Алексей, бредил живописью и рисовал немно-го странные картины. Так сильно захотелось ему позвонить, но эта чертова работа требовала неотлучного торчания в вестибюле, а поскольку телефона там не имелось, оставалось ждать до конца смены. А до этого конца было еще черт знает сколько времени, потому что смена началась всего лишь час назад. Придется ждать до вечера... И тут он вспомнил, что вечером они с Людмилой идут в театр, и от этой мысли ему и вовсе захотелось прямо-таки раствориться в воздухе и исчезнуть из этого мира, в котором категорически нет никаких радостей.

После пятого урока он увидел ее снова – она прошла в толпе одноклассников, мелькнула ее белая грива. Они шли и громко смеялись, как и полагалось смеяться подросткам. Алексей проводил эту толпу взглядом, утешая себя мыслью о том, что до конца смены остается всего лишь два с небольшим часа. Потом будет театр с Людочкой, но об этом можно пока не думать, в конце концов, еще три часа тягомотины, три часа для него – это совсем не срок, он закаленный в борьбе со временем боец. А потом – два выходных, и ради этого, наверное, стоит жить. Стоит даже напиться, подумал он, вспомнив о том, что собирался после работы позвонить Андрею, и тут же подумал, затосковав, что напиться перед

посещением театра было бы настоящим свинством и неуважением в искусству.

После работы он заехал в охрannое агентство, получив причитающийся ему в этом месяце аванс, от чего настроение явно поднялось. Даже мысль о посещении театра стала казаться не настолько кошмарной – ну и что с того, что ему придется идти туда в малопривлекательной компании, по крайней мере насладится великолепной игрой актеров, отдохнет душой, забудет суетность окружающего мира, наполнится энергией...

На ужин были котлеты из щуки, которые в семье обожали все. Телефонный звонок, прозвучавший резко и требовательно, прервал семейную трапезу. Алексей ни минуты не сомневался в том, кто звонит.

– Людочка, – проговорила мама почти торжественно, протягивая ему телефонную трубку, – тебя, Алешка.

Алексей взял трубку. Она просто хотела уточнить насчет театра, не забыл ли он, во сколько начало спектакля, и не изменились ли его планы. Удовлетворенная его ответом, бросила на прощание торопливое «пока, я уже почти на выходе». Алексей солгал, что он тоже, и, положив трубку на стол, принялся спокойно поедать котлеты дальше.

– Не опоздаешь, Алеша?

– Не опоздаю, мама. Здесь же пешком двадцать минут идти.

– А вы во сколько договорились?

– В половине шестого.

– Так всего полчаса осталось.

– Мама, – взмолился Алексей, – с каких это пор духовная пища стала для тебя важнее пищи насущной? Я есть хочу, а она меня из-за стола гонит.

– Да кушай, кушай. – Анна Сергеевна даже как будто немного смутилась, заставив Алексея улыбнуться. – Кушай, только не опоздай в театр. Вообще-то нехорошо девушку заставлять ждать.

– Да ничего с ней не случится, там прекрасная погода. Воздухом подышит – цвет лица, говорят, от этого улучшается.

– Алексей! – выругалась мать.

– Все, все, – он запихал в рот остатки котлеты, – уже иду.

Быстро переодевшись в единственный, купленный еще до армии по случаю свадьбы лучшего друга костюм, который был тесноват в плечах, чмокнув на прощание мать, Алексей вышел из дому.

До начала оставался целый час – он мысленно возмутился, что мать его выгнала так рано, с тоской подумав о том, что теперь-то он наверняка не опоздает, даже если будет ползти как черепаха, останавливаясь возле каждого столба и читая абсолютно каждое наклеенное на этот столб объявление. Он совершенно искренне не понимал, почему Людмила так любит приходить в театр задолго до начала спектакля. Это был уже третий их совместный поход в театр, и каждый раз они

встречались у входа за тридцать минут до начала, каждый раз долго бродили по фойе, останавливаясь возле каждого портрета, внимательно изучая уже знакомые лица, читая одни и те же надписи.

Он на самом деле остановился у столба и честно прочел объявление о том, что продается трехкомнатная квартира улучшенной планировки. Следующий столб поджидал его через пять метров, но занятие это ему уже заранее осточертело. Он снова подумал о том, как бы хорошо сейчас было позвонить Андрею, договориться с ним и засесть часа на два — на три в излюбленном баре «Вавилон» попить пива, поговорить «за жизнь», просмотреть его эскизы, которые тот всегда таскал с собой в карманах брюк и куртки, в барсетке вместе с карандашом и чистыми листами бумаги, которые могли пригодиться ему в любую минуту. Возможно, мысль эта зародилась в сознании именно потому, что этот бар «Вавилон» был в тот момент от него неподалеку, нужно было только повернуть направо и пройти еще метров сто. Преступная мысль промелькнула в сознании, но он тут же отогнал ее от себя, попытавшись переключиться. И в самом деле, что это с ним сегодня? Ну что плохого в том, что ближайшие два-три часа он проведет с Людмилой в театре? Спектакль, возможно, будет интересным, Людмила, как всегда, будет выглядеть потрясающе, от нее будет пахнуть «Черутти», он обожает этот запах, можно даже сказать, сходит от него с ума. Потом они, вероятно, зайдут в какой-нибудь бар, может, даже в тот же

«Вавилон», выпьют по бокалу вина, и Людмила будет не против, если он на часок-другой задержится у нее дома. Пожалуй, он и задержится...

Настроение медленно, но верно начинало улучшаться. Алексей даже стал идти чуть быстрее, его захватили мысли о том, что будет после театра, и он даже начал подумывать о том, что Людочка в общем-то не такая уж и плохая, с ней по крайней мере не скучно, она его понимает, не задает лишних вопросов, умеет поддерживать нужный тон в разговоре, никогда не бывает нетерпеливой, всегда ласкова и безотказна. Что его, собственно, не устраивает? Может, права мама, сказавшая однажды, что нечего им с Людочкой вокруг да около ходить, можно бы и свадьбу сыграть, она будет так рада внукам. «Ну не знаю, как насчет внуков, а вот насчет внука, то есть одного внука, может быть, стоит поразмышлять...» Осознав, о чем только что подумал, Алексей усмехнулся: что-то совсем развезло, какие внуки, о чем это он вообще. Какие внуки...

В тот самый момент, когда в голове бродили туманные мысли о внуках, он ее и увидел.

Увидел и остановился как вкопанный – она как будто материализовалась из воздуха, потому что минуту назад, да что там минуту, несколько секунд, вот только что, ее и не было вовсе. А теперь появилась внезапно и шла прямо ему навстречу, в ярко-розовом джемпере, перекинув все ту же школьную сумку через плечо. Она шла и улыбалась, причем

улыбалась явно не ему, а каким-то своим мыслям, и даже губами немного шевелила, как показалось Алексею. В общем, шла, разговаривала сама с собой и улыбалась самой себе. Все признаки налицо, подумал он, ценный кадр для психбольницы. Шла, неумолимо приближаясь. А он продолжал стоять, пытаясь подсчитать количество ее невесомых шагов, через которое она на него наткнется. Получилось пятнадцать – двадцать, но она увидела его раньше – посмотрела сначала вскользь, отвела равнодушный взгляд, потом снова посмотрела и, видимо, узнала. Перестала бормотать себе под нос, заулыбалась еще шире – теперь эта улыбка предназначалась уж точно ему, и он не смог не улыбнуться в ответ.

«Восемнадцать, – мысленно досчитал он, когда она наконец подошла и остановилась, – почти точно».

– Привет, – сказала она, остановившись.

– Привет, – ответил он, разглядывая ее лицо, которое показалось каким-то не таким, и только позже он догадался, что она нарядилась, надела на свою физиономию приличное количество штукатурки, которое ее, возможно, не сильно портило, но определенно делало взрослее. И прическа была какой-то не такой, приглаженной, что тоже казалось немного странным.

– Как хорошо, что я тебя встретила. Ты торопишься?

– Вообще-то... Вообще-то нет, не тороплюсь, – ответил он, заинтригованный все еще не разгаданными изменениями в ее лице, подумав, что было бы глупо торопиться, если до

начала спектакля еще целых сорок минут осталось. В принципе, если прибавить шаг, минут за десять можно дойти. Ну если не дойти, то добежать по крайней мере можно. – Слушай, что у тебя с лицом?

– А что у меня с лицом? – Она испуганно прижала обе ладони к щекам, как будто боялась, что лицо у нее могло совсем исчезнуть.

– Да нет, лицо на месте, что ты пугаешься. – Она снова улыбнулась.

– Просто оно у тебя какое-то другое. Как будто... Да ты накружилась, что ли? – наконец догадался он.

– Ну да, накружилась, Привела себя в божеский вид. А что?

«Зачем, интересно, бесу божеский вид?» – вспомнилась прочитанная где-то фраза.

– Нет, ничего. Просто как-то непривычно видеть тебя... такую, – ответил с заминкой Алексей. «Когда это ты успел привыкнуть?» – тут же промелькнула мысль, оставшаяся, впрочем, без ответа.

– Так ты, значит, не торопишься... Ну надо же, я и не думала, что тебя встречу.

– Я тоже, – искренне ответил он, – тоже не думал тебя встретить. Но последнее время мне на тебя исключительно везет.

– Ну да, – торопливо ответила она, – это хорошо.

– Что хорошо?

– Что я тебя встретила, потому что мне, правда, так скучно было.

– Скучно? – Он усмехнулся. – Глядя на тебя, не скажешь, что тебе было скучно. Ты, между прочим, улыбалась, и даже, кажется, извини, конечно, разговаривала.

– Да я не разговаривала. Я так, песенку напевала.

– Песенку напевала, – повторил Алексей. – Ну-да, как же я сразу не догадался.

– Ну пойдем. – Она вдруг вцепилась в его рукав и потянула за собой.

– Эй, отцепись. – Он, коснувшись и почувствовав холод пальцев, убрал ее руку. – Порвешь единственный приличный костюм. Ты замерзла, что ли?

– Да вроде нет, с чего ты решил, что я замерзла?

– Руки холодные, – сказал он почему-то тихо.

– Да, руки. – Она приподняла обе ладони, растопырила пальцы и некоторое время рассматривала их. Рассматривала так, как будто это были не ее, а какие-то чужие и незнакомые руки. – Да, замерзли немножко.

– Ну давай их сюда, если замерзли.

Он взял ее ладони в свои, большие, слегка притянул к себе. Она послушно, как кукла-марионетка, которую потянули за ниточку, сделала шаг вперед, приблизившись, коснувшись его своим дыханием.

– Ты что, молоко пила?

От нее на самом деле пахло молоком – теплым, горячим

даже, дымящимся, только что с плиты снятым.

– Вот еще. Терпеть не могу молоко, с чего это ты взял, что я его пила?

– От тебя молоком пахнет.

– Не придумывай.

Он продолжал сжимать в руках ее ладони, удивляясь тому, что было так естественно – какие же они маленькие, крошечные совсем, утонули в его ручищах, и чувствовал блестящие ноготки, представляя их розовый блеск.

– Ну, согрелись немножко?

– Согрелись, – покорно согласилась она, он выпустил ее руки. – Пойдем?

– Пойдем. А куда, если не секрет?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Пойдем куда-нибудь, посидим. Может, в кафе, – ты какое-нибудь кафе знаешь?

– Знаю, – ответил он, подумав о том, что от судьбы, наверное, не убежишь. – Здесь неподалеку есть кафе, «Вавилон» называется.

В сознании промелькнул и тут же исчез образ Людочки, стоящей возле входа в театр и нетерпеливо поглядывающей на часы. Самое печальное – что билеты лежали у него в кармане, и об этом лучше было совсем не думать.

– Ну вот и отлично, – ответила она, просунула как ни в чем не бывало тонкую руку ему под локоть и повисла. Отшвырнула носком ботинка пивную банку, попавшуюся на пути, – та загромыхала, заставив обернуться идущего впереди по-

жилого мужчину. Недовольно сдвинув брови, он что-то про-
бормотал себе под нос, касающееся, вероятно, нравов совре-
менной молодежи.

— А ты ведь, кажется, в другую сторону шел? — напомнила
она о наболевшем.

— Я же тебе сказал, что не тороплюсь. Еще успею, — сказал
он, нахмурившись, понимая, что теперь-то уж точно никуда
не успеет. Представилось лицо Людмилы — холодный взгляд,
как бы говорящий, что она все может понять, но ведь можно
же было, в конце концов, предупредить. Просто позвонить
и предупредить. Внутренне пожившись от этого вообража-
емого взгляда, он даже поискал глазами телефонную кабин-
ку, но ее поблизости не оказалось. Да если бы и оказалась,
все равно было поздно звонить, потому что пунктуальная его
подружка уже наверняка вышла из дома. Так что единственным
выходом из ситуации было примириться с ее неизбеж-
ностью, что Алексей и сделал, запретив себе даже вспоми-
нать о Людмиле. К тому же это было не так уж и сложно —
учитывая то, что он получает взамен. А с Людмилой он как-
нибудь разберется.

Некоторое время они шли молча — Алексей помимо во-
ли прислушивался к своим ощущениям, вызванным присут-
ствием ее руки под его локтем, — он скосил взгляд и уви-
дел коротко подстриженные ногти, поблескивающие ро-
зовым лаком на фоне его черного рукава. Тут же подумал
почему-то о том, что пиджак ему тесноват и не надо было

его надевать, в кафе можно было бы посидеть и в джемпере. Если бы он, конечно, знал, что пойдет в кафе, непременно надел бы джемпер, а не пиджак – только ведь не мог же он этого знать, и черт бы побрал эту Людочку с ее настойчивым пожеланием видеть его в театре непременно в черном классическом костюме.

– Ну вот. Кажется, в моей жизни наступила черная полоса. – Она вздохнула, ее рука выскользнула из-под его локтя, и накопившееся тепло быстро стало улетучиваться.

Они стояли возле входа в бар «Вавилон», на дверях красовалась вывеска «Извините, у нас банкет». У кого-то черная полоса, а у кого-то банкет, и нет никому до этого дела. Кто-то отмечает радостное событие, а кому-то и приткнуться негде, вздохнув, подумал Алексей. Он посмотрел на нее – лицо было безнадежно грустным.

– Да брось ты. – Он взял ее руку и снова просунул ее себе под локоть, на прежнее место, не почувствовав сопротивления. – Ты просто еще не знаешь, что такое черная полоса. Черную полосу никакая хлорка не возьмет, если она настоящая. А это так, пустяки. Единственное кафе в городе, что ли? Сейчас мы твою черную полосу быстренько разукрасим всеми цветами радуги. Пошли!

– Пошли. – Она покорно потянулась за ним, снова пристроила свою руку так, чтобы ей было уютно.

Теоретически Алексей знал, что в городе существует не один десяток кафе, баров и ресторанов, а вот практически,

как оказалось, кроме пресловутого закрытого на банкет «Вавилона», больше ничего вспомнить не мог. Но своего отчаяния не обнаруживал, продолжая идти прямо по улице, справедливо рассудив, что рано или поздно на их пути встретится хоть какое-нибудь питейное заведение. И не ошибся – оказалось, что совсем неподалеку от «Вавилона» существовало кафе «Голубая лагуна», гостеприимно подмигивающее прохожим неоновыми огоньками. Название не вызвало в душе никакого отклика – по большому счету ему на самом деле было без разницы, где сидеть, главное сейчас было успокоить, прогнать грусть с этого лица, которое так приятно было видеть веселым и умиротворенным. А поскольку аванс в нетронutom виде лежал в кармане, это значило, что в этот вечер ему любое, даже самое дорогое кафе по плечу. «По карману, – поправил он себя и решительно распахнул дверь, звякнувшую колокольчиком. – В крайнем случае – и это уж самое страшное, что может случиться, – пропью всю зарплату. Так это ж ничего, через две недели будет получка».

В баре было темно и уютно, в небольшом зале стояло всего несколько, пять или шесть, столиков, застеленных белоснежными кружевными скатертями. Официантка с длинными ногами, в голубом коротеньком платье плавно шествовала по залу с голубым опять же подносом, на котором стояли бутылка шампанского и два фужера. Людей было не много – три столика совсем пустовали, за другими сидели по два человека. Алексей приметил один, расположенный в дальнем

конце зала, – место показалось ему уютным, а главное, почти недосыгаемым для взглядов большинства посетителей, что особенно пришлось по душе.

Она нерешительно замялась на пороге.

– Да пойдем же, чего ты? Вон тот, дальний столик – по моему, в самый раз?

– Ну да.

Алексей почувствовал, как она схватила его за мизинец, вцепилась крепко, как маленький ребенок, который боится потеряться. Он потянул ее за собой – она так и шла, держась за его палец. Подойдя к столику, свободной рукой отодвинул для нее стул и только собирался сказать «садись», как с противоположной стороны вдруг послышалось:

– Машка!

Она обернулась – рука разжалась, освобождая мизинец от плена, взметнулась вверх.

Там, за дальним столиком, сидели двое парней.

– Я сейчас. – Она снова легонько коснулась все того же мизинца, словно прося у него прощения за то, что покинула так внезапно. – Ты меня подожди.

Ничего не оставалось, как сесть на тот самый стул, который он только что отодвинул для нее. Она быстро и плавно прошла по залу, остановилась. Уселась за столик как-то странно, поджав под себя одну ногу.

«Впрочем, нечему удивляться, этот человек, наверное, ничего в жизни не может делать нормально, как все люди, –

отстраненно подумал Алексей, – ей же обязательно выпендриваться нужно, везде и всегда. Подумала бы сначала...»

О чем она должна была подумать сначала, он так и не решил – в ту же минуту подлетела официантка в голубом, поздоровалась, представилась – ее звали Валерией – и положила перед ним меню, напечатанное, как можно было заранее догадаться, на голубой бумаге. «Странно, почему это место до сих пор не облюбовали голубые, тут для них прямо-таки рай», – усмехнулся Алексей, обводя взглядом соседние столики, за которыми сидели пары исключительно традиционной ориентации, стараясь почему-то не смотреть на тот, дальний угол. Но, даже стараясь не смотреть, все же увидел, как она откинула голову назад и чему-то громко рассмеялась. Этот смех прямо-таки обжег его, и он вдруг снова подумал и о своем костюме, который был тесноват в плечах, и о Людочке, которая, наверное, все еще ждет его возле входа в театр. Все еще ждет.

Опустив взгляд, он принялся рассматривать меню: салат крабовый, салат грибной, «Оливье», мясо по-французски, рулет из курицы... Вполне понятные русские слова казались абсолютно бессмысленными, он снова и снова пробежал по строчкам вверх и вниз, возвращался назад, не в силах избавиться от ощущения, что читает какую-то тарабарщину, написанную на непонятном языке. Потом снова посмотрел в ту сторону, откуда доносился хохот.

Она сидела, по-прежнему поджав под себя ногу, с дымя-

щейся уже в руке сигаретой. Ярko накрашенные губы, те-ни на веках и полосы искусственного румянца на щеках – вся эта боевая раскраска, которая с первого взгляда вызвала только удивление, теперь показалась ему ужасно вульгарной. Ярko-розовый пушистый джемпер, обтягивающий фигуру, – вещичкой из гардероба уличной шлюхи.

«Господи, да это что же за прикид такой, что за имидж, ошалеть можно! И над чем же, интересно, можно вот так залиvisto смеяться?»

– Что-нибудь желаете? – услышал он голос, поднял глаза и едва сдержался, чтобы не нагрубить официантке. Она, конечно, ни в чем не была виновата, она вообще была здесь совершенно ни при чем.

– Желаю, – ответил он, мысленно продолжив: желаю надрать вон той девице за дальним столиком задницу, да так крепко, чтобы на всю жизнь запомнила. Но все же сдержался, снова нырнул взглядом в меню, прочитал первое попавшееся на глаза – «рулет из курицы» – и озвучил.

– Все?

– Нет, еще пиво... Семерку, «Балтику».

«Какая уж тут Эммочка, тут сама Лолита отдыхает, – думал он с нарастающей почему-то яростью, снова разозлившись на себя, потому что слишком уж сильные чувства вызвали у него последние события. – В самом деле зрелище, иначе не скажешь. Она, интересно, сама себя в зеркале-то видела? Или глядя в отражение стекла себя так размалева-

ла? Вот подойти сейчас и в самом деле надавать по заднице, и эти сидят, два павлина, такими масляными глазками оба смотрят, знают они, интересно, сколько ей лет?»

Алексей поморщился от собственных мыслей. Чужая жизнь – она и есть чужая жизнь, и нет у него никакого права распускать руки, учить ее, воспитывать – у нее, в конце концов, родители есть, вот они пусть этим и занимаются, ему-то какое дело? Он знать ее не знает, видел пару раз. Просто не надо было дурыю маяться, идти на поводу у собственной меланхолии – сидел бы сейчас в театре, рядом с Людочкой, которая, он был в этом уверен, накрашена была бы безупречно и одета совсем не вульгарно, а со вкусом. Не в пример некоторым...

Наконец принесли пиво и рулет, он смотрел на этот рулет и не понимал, с чего ему вздумалось его заказывать, он с детства терпеть не мог курицу. Очередная насмешка злой судьбы, которая, похоже, решила окончательно доконать его этим рулетом. Он ткнул вилкой в розоватое мясо – не отдавать же его обратно, вряд ли кто поймет. Щедро залил холодным пивом, при этом почти не почувствовав вкуса курицы, зато почувствовал прилив затаенного торжества, как будто на самом деле сейчас вступил в поединок с судьбой и этим щедрым глотком пива умудрился-таки одержать маленькую победу. «И очень даже ничего. Отличная, надо сказать, курочка. Пожалуй, надо будет заказать еще одну порцию!» Алексей, дав себе твердое обещание, что больше ни

взгляда не кинет в ту сторону, принялся сосредоточенно рассматривать куриный рулет – розоватое мясо, внутри оранжевые полоски моркови и белые – чеснока.

– А ты мне ничего не заказал?

Она отодвинула соседний стул, уселась рядом, локоть к локтю.

«Явилась», – чуть не сорвалось с языка.

– Я откуда знал, что ты придешь, – ответил он не глядя и отхлебнул остатки пива из кружки.

– Я же тебе сказала, что приду.

– Мало ли что ты сказала.

– Сказала приду, значит, приду, – ответила она спокойно, равнодушно, как показалось ему, в своей привычной манере. Затушила принесенную с собой сигарету в пепельнице, нырнула пальцами в тарелку с рулетом, подцепила один кусок.

– Вилкой вообще-то едят, – буркнул он, уже не понимая, на кого злится больше – на нее или на самого себя за эту неутихающую, а главное, не желающую скрываться злость.

Но она его злости, кажется, совсем не замечала, жевала курицу с аппетитом, и он уже начинал злиться на этот ее аппетит. Равнодушно пожала плечами в ответ на его замечание, что едят вилкой:

– У нас же одна вилка. Ей ешь ты.

– О Господи, – вздохнул он, – ну так подожди, пока принесут вторую.

Подозвав официантку, он снова попросил меню. Подви-

нул голубой листок немного вправо:

- Чего тебе заказать?
- Курица такая вкусная.
- Еще один рулет, девушка.
- Крабовый салат обожаю.
- Крабовый салат, пожалуйста.
- Мясо по-французски...

Он не чувствовал подвоха – она называла все пункты меню по порядку, просто читала вслух, а он все повторял за ней, каждый раз добавляя «пожалуйста» или «пожалуйста, девушка». Он, собственно, вообще не задумывался над смыслом и, только услышав ее громкий смех, внезапно очнулся. Она смеялась, а официантка в голубом платье, терпеливо переписывающая или делающая вид, что переписывает все меню с первого до последнего пункта в свой блокнот, еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться вместе с ней.

– Ты что... Ты что, на самом деле подумал, что я все это съем?

Он провалиться был готов, даже собирался встать из-за стола, уйти подальше от этой ненормальной девицы, которая находит для себя такие странные забавы. Но в последний момент удержался, поняв, что поставит себя в совсем уж глупое положение.

– Откуда я знаю. Может, у тебя дома есть нечего, вот ты и решила затариться продуктами на ближайшую неделю, – ответил он и через силу улыбнулся.

– Девушка, вы, пожалуйста, все там вычеркните, кроме... Рулет, наверное, оставьте и салат крабовый. Пока все.

– И пива еще принесите, – добавил Алексей. Официантка улыбнулась и ушла выполнять заказ.

Алексей смотрел исподлобья.

– Ну, что ты на меня уставился? Уж и пошутить нельзя. Обиделся?

Она прикоснулась к его руке, легонько погладила, и это было уже совсем невыносимо, потому что Алексей почувствовал себя маленьким ребенком, которому в мире взрослых многое объяснить просто невозможно. Вот уж чего он в жизни больше всего терпеть не мог, так это снисходительности.

– Можно мне еще кусочек? – Она, как будто прочитав его мысли, убрала руку и не стала возвращаться к уже исчерпанной теме.

– Да ешь, пожалуйста. Я курицу вообще терпеть не могу.

– Да? А зачем же заказывал?

– Для тебя заказывал.

– Для меня? – Она почти удивилась, что было ей не свойственно. – А откуда ты знаешь...

– Да ладно тебе, какая разница. Ешь, если хочешь. – Она взяла еще один кусок, снова руками. – Приятели твои, что ли? – спросил Алексей с видимым равнодушием, бросив короткий взгляд на парней за дальним столиком. Те сидели, не обращая на них никакого внимания.

– Ага, – проговорила она с набитым ртом, – приятели. Бывшие.

– То есть как это – бывшие? – не понял он.

– Ну так, бывшие. Я с ними встречалась.

– Встречалась? С двумя сразу, что ли? – Он прямо-таки ошалел от ее невозмутимого тона.

– Ну нет, не сразу, конечно. Сначала с одним, потом с другим.

– Господи, да тебе лет-то сколько? – не сдержался он.

Снова появилась официантка, плавными движениями рук поставила на стол вторую порцию рулета, крошечную вазочку с салатом и пиво.

– Пятнадцать, я же тебе говорила. Скоро шестнадцать будет... Да ты ревнуешь, что ли? – поинтересовалась она, пододвинув салат.

– Ревную? – опешил Алексей, подумав: неужели и правда? – Да я тебя знать не знаю, с чего это я стану ревновать?

– Вот именно. – Она кивнула в знак согласия. – А салат вкусный. Вообще неплохое местечко, уютное, правда же?

– Наверное, – согласился он неуверенно, подумав о том, что чувствует себя все же не слишком уютно – может, оттого, что пиджак тесноват, или оттого, что Людмила...

– Я, между прочим, в театр собирался, – сказал он вдруг, сам от себя не ожидая.

– В театр? – Она кивнула, равнодушно поприветствовав его любовь к искусству. Немного странную, впрочем, лю-

бовь, потому что в театр-то он все-таки не пошел, а сидит здесь с ней, пьет уже вторую кружку пива и думает постоянно о том, что нужно было надеть джемпер. А о театре и не вспоминает. – А почему не пошел?

– Передумал. – Он пожал плечами, отпил глоток пива, подумав о том, что напрасно затеял этот глупый разговор. Сейчас она начнет его спрашивать, почему он передумал, спросит еще, не дай Бог, про Люд очку, хотя откуда ей знать про Людочку, она ведь понятия не имеет...

– Понятно.

Как оказалось, Алексей напрасно волновался. Ей было все понятно. Все абсолютно понятно и ясно как белый день, и не о чем здесь вообще было говорить, и при чем здесь какая-то Людочка! Собирался в театр, оказался в кафе – в самом деле, какие могут быть вопросы? Современные подростки, должно быть, изучают в школе специальный предмет под названием «пофигизм» – не может же человек от рождения обладать такой непробиваемостью. Здесь определенно чувствуется подготовка, «мастер-класс», который его собеседница, должно быть, окончила с отличием.

– А что ты еще любишь? – Она отодвинула от себя салат, равнодушно посмотрела на блюдо с куриным рулетом, который, видимо, интересовал ее лишь до тех пор, пока его можно было есть руками, а теперь, когда появилась вилка, совсем перестал ее привлекать.

– Что я еще люблю? – переспросил он, почему-то не со-

всем четко представляя себе, каким должен быть ответ на этот вопрос.

– Ну да. Ты любишь театр. Пиво, кажется, любишь... А больше я про тебя ничего не знаю. Расскажи что-нибудь.

– Даже не знаю, что тебе рассказать. Вообще-то я...

Какой-то внутренний барьер не позволял ему взять и вот так запросто рассказать ей о том, что в жизни больше всего он любит и больше всего мечтает рисовать. Теперь ее равнодушие, которое до этой минуты забавляло его, показалось опасным. Как тонкий лед, который может в любую минуту провалиться под ногами. И сама она, подумал Алексей, как тонкий лед, по которому – ведь говорила в детстве мама! – ходить не следует. Но, с другой стороны, какая разница – идти вперед или назад, провалиться-то он может в любом месте, а вперед идти все же интереснее.

– Вообще-то я люблю рисовать, – выдохнул он и опустил глаза просто потому, что не хотел видеть ее лица. Представилось почему-то, что она грызет семечки. Грызет себе семечки, поплеывая шелуху, проглатывает зернышки, все на один вкус, и снова плюет – вот такая вот игра в вопросы и ответы. А если зернышко все-таки окажется особенным? В крайнем случае, подумал Алексей, закатит театрально глаза к небу и восторженно прошепчет: «Нарисуешь мой портрет?» «Ну, нарисую», – ответит он равнодушно, потому что настанет его очередь грызть эти чертовы семечки...

– Я тоже, – услышал он после долгой паузы и ошалело

установился на нее. — Больше всего на свете люблю рисовать.

— Да ладно, — ответил он, пытаясь разглядеть в глазах лукавую искорку, но видел что-то другое, новое, в ее лице. — Не ври.

— Правда, — ответила она задумчиво. — Я действительно редко рисую. Чаще по ночам, когда все спят, никто не мешает, не врывается в комнату. Или когда настроение очень плохое, или когда совсем хорошее. Но такое редко бывает.

— Почему? — спросил он недоверчиво.

— Не знаю. Наверное, у меня грустные хромосомы.

— Наверное, — согласился он, представив себе, насколько это было возможно, бесхвостых головастика с печальными глазами навывкате. И ничего с ними не сделаешь, никак ты их не развеселишь, не исправишь уже, потому что они — хромосомы... Не попрешь против генетики, хоть ты тресни.

— Смотри.

Она расстегнула молнию на сумке — он с любопытством наблюдал за нетерпеливыми движениями ее рук, раздумывая, что же сейчас она ему покажет, — взвизгнула еще одна молния, еще одна, место, наверное, потайное, подумал Алексей, и извлекла на свет божий аккуратно свернутый в трубочку альбомный лист, протянула ему.

Альбомный лист вызвал в сознании ассоциации с детскими рисунками — голубое небо, солнышко с улыбкой до ушей и с круглыми глазами, восторженно вззирающими на папу, головой подпирающего тучку, маму — поменьше и самого ав-

тора пейзажа, с непременно воздушными шарами в руке. Собственно, далеко ли она ушла от этого возраста, юная художница? Воздушные шарики в ее руке едва ли смотрелись бы кощунственно...

Осторожно разворачивая драгоценный сверток, он сперва заметил карандашные штрихи. «Графика, – подумал с легкой тенью уважения, прогоняя без усилий прочь из сознания папу, подпирающего тучку. – Портрет... Портрет, черт побери, вот ведь сумасшедшая...»

Он сидел и молча разглядывал портрет. Иногда поднимал глаза, чтобы попытаться хоть что-то понять, но она молчала, смотрела спокойно, может, только слегка напряженно, как будто ничего и не было особенного в том, что она взяла и вот так запросто, не спросив разрешения...

– Похож, – вынесла она свой вердикт, пристрастно сравнив копию с оригиналом.

– Похож, – не стал спорить Алексей, – неплохо рисуешь. Польщен, никто никогда раньше не рисовал моих портретов. Это ты вчера?

– Вчера, – кивнула она.

– У тебя настроение было очень плохое или... совсем хорошее?

– Не знаю. – Она пожала плечами, опустила глаза, вяло ковырнула вилкой салат. – Просто скучала.

– Скучала?

– Ну да, скучала по тебе. Вот и нарисовала.

Он смотрел на нее и понятия не имел, что ответить. В голове крутилась только что произнесенная фраза, обрастая вопросительными знаками, чудовищным количеством вопросительных знаков: «Скучала? По мне? Скучала по мне?» Трудно, просто невозможно было себе представить, чтобы вот она – та, что сидит сейчас рядом, странная, смешная, опасная, как тонкий лед, равнодушная, непробиваемая, ребенок еще совсем, и эти приятели чертовы, и эта челка, и розовый лак на ногтях, и грустные хромосомы, и что-то еще, неуловимое, главное... скучала?

– Я тоже, – услышал он свой голос, – скучал. Она кивнула – ну да, конечно, скучал, кто бы в этом сомневался. Можно было бы и не сотрясать воздух ради изречения столь очевидных банальностей. Алексей только вздохнул в ответ, в очередной раз почувствовав при вдохе, что плечи его за последние три года стали шире, но в данной ситуации, наверное, не было повода этим гордиться.

– Пойдем отсюда, – вдруг придумала она, торопливо схватила у него сверток, свернула бережно, но быстро, снова взвизгнули поочередно молнии. – Пойдем.

Дарить портрет ему на память она определенно не собиралась.

– Пойдем, – согласился он без сожаления, бросив взгляд на столик в противоположном конце зала.

Официантка поймала его взгляд, подошла почти сразу, ожидая, видимо, нового заказа, и даже немного расстрои-

лась, получив расчет.

Поднявшись, она махнула рукой в сторону приятелей, одними губами шепнула «пока» и пошла вперед не оглядываясь, все той же походкой. Алексей поплелся следом, с трудом сдерживая воображение: представилось почему-то, как он подходит к этому дальнему столику и переворачивает его ногой, и тарелки летят на пол, проливается красное вино на белоснежную скатерть, и все оборачиваются, и она оборачивается, и улыбается ему, и протягивает руку, и... Стоп, стоп, стоп!

Она обернулась уже на выходе, пропустила его слегка вперед и снова уцепилась за его мизинец и пошла рядом с ним молча, не говоря ни слова. А он почти ничего и не чувствовал, только это ее теплое колечко, и думал о том, что вот так бы и провести ее, чтобы держалась легонько за мизинец – через площадь, через улицу, через вечер, ночь, через жизнь. А еще о том, что же это – старческий маразм, или юношеский маразм, или детство, как говаривал все тот же командир, заиграло в непотребном месте, что он идет по улице с этой девчонкой, и она держит его за руку, как и полагается маленькой девочке, а он счастлив, как дурак, как тот самый папа, подпирающий тучку, как ребенок с воздушными шарами. Счастлив даже сильнее, чем тогда, в пятнадцать лет, когда все это было нормально и дураком полагалось быть по возрасту.

– Алеша, – окликнула она его по имени впервые – он сразу

остановился, постаравшись не разорвать волшебную цепочку. – Мы пришли.

Он оглянулся. Они стояли посреди улицы, освещенной мутными фонарями, где-то вдалеке светились огнями жилые дома, вокруг не было ничего – только редкие силуэты уходящих в небо голых деревьев, устало и монотонно раскачивающихся в такт ветру.

– Мы пришли, – повторила она, и он снова огляделся вокруг.

Дорога, деревья и фонари. Если это то место, куда они шли и теперь пришли, – он ничего не имел против. Ему вообще было все равно – только как быть с мизинцем, который пригрелся и явно не хотел расставаться со своей теплой перчаткой?

И в этот момент он увидел в ее глазах слезы. Не поверил, протянул руку, прикоснулся к лицу – пальцы были влажными.

– Ты что? Ты что, плачешь, что ли? – Она улыбнулась сквозь слезы.

– Я же тебе сказала, у меня грустные хромосомы. Поцелуй меня, пожалуйста.

– Что?

– Поцелуй меня.

Колечко разжалось. Он поднял руки и прикоснулся к ее лицу нежно и бережно, как будто не верил, что держит в руках зеленоглазую птицу, так покорно замершую между его

ладоней. «А как, собственно, нужно целоваться с маленькими девочками? – сверкнула молния среди ясного неба. – Как с ними нужно целоваться?»

Ее губы были уже в долях сантиметра от его, когда он «срулил» и приник сомкнутыми губами к ее холодной и влажной щеке. Прикоснулся и сразу же отпрянул, опустив вниз ладони.

– Ты... Ты что? – В первый раз за все время их знакомства он увидел в ее глазах настоящих и грозных чертиков. А потом она вдруг начала смеяться, просто хохотать, громко, без остановки, заразительно. Так заразительно, что ему захотелось провалиться сквозь землю – в тот момент, когда он наконец очнулся и вспомнил снова про тех, что сидели в дальнем конце зала, тех парней, с которыми она встречалась по очереди, а может быть, и сразу. И еще неизвестно, оказывается, кого из них двоих надо было целомудренно целовать в щечку, и снова захотелось провалиться сквозь землю, и эти долбанные хромосомы-головастики вдруг ощерились во весь рот, и провалились она к черту, эта генетика... Поискать бы на земле второго такого дурака, второго такого идиота, вовек не сыщешь.

– Смотри, – она внезапно перестала смеяться, смотрела куда-то вверх, – смотри скорей!

Он покорно поднял глаза вверх – она, наверное, увидела там падающую звезду и сейчас потребует, чтобы он непременно ее поймал, и он будет ее ловить, будет носиться как

дурак между столбами, лихорадочно высчитывая точку приземления. Непременно...

Но звезд на небе не было вообще – ни падающих, ни сияющих. Небо было темным и смазанным, едва-едва виднелся Млечный путь и бледный осколок луны на самом краю. Только деревья, уходящие в вечность.

– Котенок!

«Котенок», – услышал Алексей, с трудом пытаясь сосредоточиться на этом слове, которое вдруг потеряло свое значение. Наконец он его увидел – с трудом различимый силуэт мини-пантеры, трусливо висящей на ветке неподалеку расположенного дерева.

– Ты видишь?

– Вижу...

– Нужно его снять. – Она потянула его за рукав пиджака, и он послушно поплелся за ней, раздумывая над тем, что сложнее – поймать падающую звезду или снять с дерева подвешенного на высоте около трех метров глупого, наверняка попытающегося оказать отчаянное сопротивление кота. Если бы чуть пониже и если бы пиджак не сидел так плотно, уж лучше бы, наверное, все-таки звезда, но только кто его спрашивает – все эти мысли вихрем пронесли в голове, и он не успел опомниться, как она сиганула на дерево, обхватила ствол руками, как обезьяна, подтянулась вверх, еще раз подтянулась...

– Маша! Машка! – Он сразу забыл о том, что не хотел ми-

риться с ее именем, имя стало привычным, в момент приросло к ее взлохмаченной шевелюре и зеленым глазам – конечно же, Машка. И снова повторил: – Машка! – когда она уже спрыгнула с дерева, прижимая к себе взъерошенный комок шерсти. Котенок был рыжим с белыми пятнами и казался похожим на рыжего ежа, потому что слипшаяся шерсть торчала колючками.

– Да что ты заладил. – Она даже не смотрела на него, полностью сосредоточив ласковый, как успел заметить Алексей, взгляд на свой добыче.

– Ты, как обезьяна, по деревьям...

– Я спортивной гимнастикой шесть лет занималась. Ты посмотри, он весь дрожит. Бедненький.

Кот вцепился своими острыми коготками в ее розовый джемпер, вцепился намертво, так, что и не отдерешь его.

– И что мы будем с ним делать? – поинтересовался Алексей весьма холодно, как ей показалось. Она взметнула на него свои длиннющие накрашенные ресницы, пронзила острым, осуждающим взглядом:

– Ну не бросать же его здесь, на улице!

– Это понятно, – согласился он. – Придется, наверное, отнести его в детский дом для кошек. Или снять ему номер в гостинице...

– Детских домов для кошек не бывает, к сожалению. И гостиниц тоже. Нужно взять его домой. Ах ты, мой хороший... Бедненький, маленький...

Алексей даже позавидовал коту – такого количества ласковых слов, наверное, ни один представитель мужского пола в жизни своей не слышал. Если, конечно, это замызганное иглокожее животное вообще к мужскому полу относилось и не было кошкой.

– Это кот или кошка? – спросил он зачем-то.

– Какая разница, – ответила она, но все же попыталась отодрать зверя, чтобы как следует рассмотреть его. С большим трудом ей это удалось. – Кошка, кажется... Ах ты, мой хороший...

Половая принадлежность животного ее, конечно, не интересовала – не принимая ее во внимание, она продолжала воспитывать у кошки дурные наклонности:

– Маленький мой, замерз.

– Ты обращаешься к кошке в мужском роде. Ты Фрейда не читала?

– Перестань, пожалуйста. Фрейд не о кошках писал, а о людях.

– Читала?..

– Ну, читала, – отмахнулась она. – И Набокова твоего я тоже читала, кстати. И еще много чего читала, я вообще читать люблю. Какое это имеет значение?

– А «Приглашение на казнь» тоже читала? – с подозрением в голосе поинтересовался он, чувствуя себя, наверное, как прокурор на судебном процессе, произносящий обвинительную речь: вот сейчас то он все про нее и узнает, и эта

челка, и эти пальцы, смазывающие челку...

– Нет, не читала...

«Обвинительная речь» с треском провалилась.

– Послушай, возьми его к себе.

– К себе? Я?

– Ну да, конечно. Пожалуйста. – Она смотрела на него умоляющими глазами, кошка отчаянно мяукала, издавая звуки, похожие на карканье заболевшей ангиной вороны.

– Посмотри, какой он хороший. Возьми его к себе.

– Он, конечно, хороший... Мяукает, правда, не слишком мелодично, но это ничего, ко всему привыкнуть можно. Только почему я?

– Я не могу, я взяла бы. Меня Сергей вместе с этим котом на улицу вышвырнет. Он терпеть не может кошек.

– Сергей... – повторил он, заставил себя остановиться, не продолжать начатую тему. «Бог мой, – подумал он, – откуда я знаю, что она ответит. Она может ответить все, что угодно, Она скажет, что Сергей – это ее муж, с которым она уже два года состоит в гражданском браке. С нее станется. Почему бы не выскочить замуж в тринадцать лет, что за предрассудки?»

– С чего ты взяла, что я люблю кошек?

– Ты? Ты не любишь кошек? – Она смотрела на него и хлопала глазами, как будто видела летающую тарелку, битком набитую инопланетными существами, которая только что приземлилась у ее ног.

– А кто такой Сергей?

– Сергей – это мой отчим, мамин муж.

– Я люблю кошек. Обожаю кошек, знаешь, всю жизнь мечтал...

– Правда?

– Правда. А почему ты плакала?

– Не знаю, у меня бывает иногда. Ты его возьмешь?

– А у меня есть выбор?

– Если не хочешь... Есть выбор, я думаю...

«Ошибаешься, – подумал Алексей. – Ох как ошибаешься. Я бы притащил домой десяток кошек, я бы обвешался ими с ног до головы, наверное, потому что...»

– Давай сюда это симпатичное животное.

– Держи. – Она передала ему котенка вместе с розовыми ворсинками от своего джемпера, которые тот решил прихватить на память о своей первой хозяйке.

– Кажется, он меня больше любит, – простонал Алексей, почувствовав, как зверь вцепился в него когтями. – Просто жить без меня не может...

Она улыбалась, поглаживая котенка, намертво прилипшего к его груди.

– Ладно, я побежала. Мне еще уроки делать.

– Так я тебя провожу...

– Нет, не надо! – Она отчаянно жестикулировала. – Мне здесь близко – видишь, вон тот дом. Не надо, а то увидит, потом начнутся допросы... До свидания, мой хороший!

Последние ее слова были обращены, естественно, к кошке.

– Эй! – окликнул он, когда она была уже на расстоянии нескольких шагов. – Завтра увидимся?

– Да, конечно!

– Так завтра не моя смена! У меня выходной! А потом воскресенье...

– Тогда приходи сюда!

– А во сколько?

– Часов в шесть!

«Часов в шесть, – мысленно повторил Алексей с интонацией приговоренного к смерти. – Не в шесть часов, а часов в шесть. Это значит, что кто-то из нас должен отираться возле этого дерева с пяти до семи. Интересно было бы знать, кто именно?»

Он открывал дверь ключами, стараясь не шуметь: мама скорее всего еще не легла, она никогда не ложится, не дождавшись его, и все же Алексею не хотелось, чтобы она увидела его сразу с порога с этим замызганным клубком шерсти на груди. «Интересно, а моя мама любит кошек? А папа?»

Вопросы эти в данной ситуации были уже скорее риторическими. Отца, к счастью, не было дома – снова ушел на сутки. Бесшумно захлопнув дверь, он наклонился развязать ботинки и обнаружил на полу рядом с полкой туфли. Знакомые ярко-красные туфли на тонкой и высокой шпильке, каких его мама даже в самой ранней молодости, наверное, не

носила. «Черт», – простонал он мысленно, не находя других слов и втайне подозревая, что это не просто ругательство, а эпитет, которым он в сердцах наградил конкретного человека. То есть конкретную женщину, которая на черта внешне была совсем не похожа. Только вот какую из них двоих?

В этом он не успел разобраться – все еще склонившись над ботинками, увидел в поле зрения приближающиеся к нему в тапочках ноги обладательницы красных туфель. Блеснули черным гляncем капроновые чулки...

– Алексей! – всплеснула руками мать, появившись почти сразу же из-за спины Людмилы.

– Ну Алексей. Уже двадцать два года Алексей...

Людмила стояла, сложив на груди руки, в черном облегающем платье со стразами, с высокой прической, прихваченной рубинового цвета заколкой, с рубинами в ушах, в облаке «Черутти» – и в клетчатых тапочках, которые на два размера превосходили размер ее ноги.

– Господи, что это? – снова всплеснула руками Анна Сергеевна.

– Это? – Алексей лихо, с первой попытки отодрал пронзительно каркающую кошку от груди и бережно усадил на пол. – Это кот. То есть, я хотел сказать, кошка, мать ее... была вороной, кажется. Поэтому она так странно мяукает. Не обращайтесь внимания.

– Вороны не рожают кошек, – послышался холодный голос Людмилы. – Где ты был? Ты пьяный?

– Наглухо, – подтвердил Алексей, шатнувшись в сторону и икнув для большей убедительности. – Я наглухо пьяный, а вороны вообще не рожают. Они яйца откладывают.

– Где ты был? – снова повторила она вопрос, оставшийся без ответа.

– В зоопарке, где же еще. На выставке редких животных. Вот, прихватил с собой один экземпляр. Хотел вас порадовать...

– Алексей, прекрати паясничать! – почти прокричала мать.

Он подошел, легонько обнял за плечи их обеих, заранее зная, что это окажется пустым утешением.

– Ты же ушел, сказал, что в театр...

– Я и шел в театр. Честное слово. А попал в зоопарк. Такое бывает. Да успокойся, мама. Ну вот же я, ничего не случилось. А мы сами разберемся с Людмилой. Правда, Людочка? Людмила молчала, благоухая «Черутти».

– Пойдем. – Он потянул ее за собой в комнату и снова обернулся к матери. – Mam, прости. Этого кота на самом деле больше некуда было девать. Абсолютно некуда, пришлось взять его с собой. Но он ничего, нормальный кот, мам. Правда, с ним даже дружить можно...

– Ты же сказал, что это кошка?

– Ну кошка, какая разница...

– Большая! Что ты с котятами собираешься делать? Топить?

– Мама! – укоризненно ответил Алексей. – Она же еще не беременная! Она же еще маленькая совсем...

– Маленькая, так вырастет!

– Ну вот когда вырастет...

Анна Сергеевна подняла котенка с пола.

– Шерсть какая-то розовая в когтях... Откуда это?

Людмила метнула взгляд в сторону котенка – короткий, но многозначительный. Алексей поспешил затолкать ее в комнату, сделав вид, что не расслышал вопроса.

– Алеша, ты кушать-то будешь?

– Нет, спасибо, мам, я курицу поел.

– Курицу?..

– Да, что-то мне сегодня захотелось...

Он закрыл дверь, позволив Анне Сергеевне переварить поступившую информацию.

– Может, ты беременный, – слышалось из глубины комнаты.

Он обернулся – Людмила стояла спиной. Она знала, что он терпеть не может куриное мясо. Алексей молчал.

Он на самом деле просто не знал, что сказать. Паяц, проснувшийся в нем на пороге, хихикая и растягивая в кривой усмешке губы, настойчиво нашептывал на ухо: «В слезах отчаянья Людмила от ужаса лицо закрыла – увы, что ждет ее теперь!»

Но это был не вариант. Разыгрывать фарс дальше не хотелось, да и не имело смысла.

– Извини. Ты меня ждала, а я не пришел. Я подлец, наверное.

– Можно было заранее позвонить и сказать, что у тебя другие планы.

– Можно было. Если бы они были, эти другие планы. Но я честно шел в театр.

– Только не говори, что попал в зоопарк.

– Я и не говорю.

– Наверное, скажешь сейчас, встретил старого друга.

– Встретил. Друга, – согласился он, немного подумав. – Старого.

– И вы с ним немного посидели в баре. Выпили по кружке пива.

– Посидели, – снова согласился Алексей. На самом деле возразить пока что было нечего.

– Это он, твой старый друг? – Людмила обернулась. Глаза были слегка влажными, в руке – газета. Та самая газета, вчерашняя газета с кроссвордом, которую он и не подумал выбросить или по крайней мере убрать с глаз долой. И вот теперь его приперли к стенке.

– Он. – Возражать показалось бессмысленным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.